

СОБИРАТЕЛЬ.

N°. II.

1829.

С О Б И Р А Т Е Л Ь.

№. II.

О Т Р Y В K I.

I.

Ч Е Л О В Ё К Т.

Все въ человѣкѣ и самая наружность являетъ его превосходство надъ другими живущими птицами: спань его прямъ и возвышенъ, видъ повелителенъ, голова подымается къ небу; на лицѣ его печать доспоянства; образъ его выражаетъ душу; высокость его назначения проникаетъ сквозь грубые члены пѣлесные и свѣшомъ божественнымъ сияетъ въ черпахъ лица его; величественная осанка, твердая и смѣлая поступь означаютъ благородство и первенство; онъ кажется непринадлежащимъ землѣ; онъ видитъ ее издали и, попирая ногами, какъ будто пренебрегаетъ ее. Но человѣкъ *одинъ* ничто; его могущество заключается въ *общежитїи*: оно пробудило его способности, усовершенствовало его умъ, соединило его силы; безъ него человѣкъ

Толь небеса твои, отецъ? . . .
И рекъ Зевесъ: „смирись, слѣпецъ!“
„И знай: доспупное богамъ
„Вовѣки недоспупно вамъ!
„Ты слышшишь бурю грозныхъ Силъ.....
„А я гармонію свѣшилъ.“

V I.

П О Л Т А В С К І Й Б О Й.

О ты любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,
Твой близокъ день, ты валь Полшавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь шуда жъ помчалъ дружины
Онъ какъ буря попекли,
И оба спана средь равнины
Другъ друга хищро облегли.
Не разъ избившій въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходиша боецъ.
И злобясь видишъ Карлъ могучай
Ужъ не разспроенный пучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А лишь полковъ блестящихъ, спройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заупра бой.
• • • • • • • • • • • •
Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинахъ, по холмамъ

Грохочущь пушки. Дымъ багровой
Кругами всходишь къ небесамъ
На вспрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сокнули;
Въ кускахъ разсыпались спрѣлки;
Кашаця ядра, свищущъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвущися Шведы;
Волнуясь, конница лешишь;
Пѣхота движешся за нею
И тяжкой твердостью свою
Ея спремленіе крѣпишъ.
И бишви поле роковое
Гремитъ, пылаешь здѣсь и памъ:
Но явно счастлье боевое
Служишь ужъ начинаешь памъ.
Пальбой опишилъ дружины,
Мѣшайся, падающъ во прахъ.
Уходишь Розенъ сквозь шѣсины;
Сдаешься пылкій Шлипенбахъ;
Тѣснимъ мы Шведовъ рапъ за рапью;
Темнѣешь слава ихъ знаменъ;
И Бога браней благодатию
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
„За дѣло, съ Богомъ!“ Изъ шапра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходишь Петръ. Его глаза
Сияютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь какъ Божія гроза.

Идетъ. Ему коня подводяшъ.
Репицъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь
Дрожишъ, глазами косо водишъ,
И мчишся въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаешъ.
Какъ пахарь, битва отпыхаешъ.
Кой-гдѣ гарцуешь козаки.
Ровнялся спроялся полки.
Молчашъ музыка боевая.
На холмахъ пушки присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И вдругъ — равнину оглашая,
Далече грянуло ура!
Полки увидѣли Петра.

И опь промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ, какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ во слѣдъ неслѣсъ шолпой
Сіи пшеницы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнаго,
Въ шрудахъ державсїва и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсь, и Боуръ, и Репинъ,
И счастыя баловень безродный,
Полудержавный власщелій.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,

Страдая раной, Карлъ явился,
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ дыму тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Рускихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянуулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Спѣшной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ спроемъ свѣжій спрой
Шпаги смыкаешь. Тяжкой тучей
Опрыяды коницы лепучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубяся съ плеча;
Бросая груды шѣль на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаюшь, разяшь,
Прахъ роюшь и въ крови шипяшь;
Шведъ, Рускій — колешь, рубиши рѣжешь,
Бой барабаний, клики, скрежешь,
Громъ пушекъ, шопотъ, ржанье, спонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ споронъ.

• • • • • • • • • •

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды!
Ура! мы ломимъ! гнуясь Шведы!
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ

И следомъ конница пустилась,
Убийствомъ шупаясь мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ ПЕТРЪ. И гордъ и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего
Въ шашрѣ своеемъ онъ угощаешь
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаешь,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаешь.

Но гдѣ же первый, званный гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ Полшавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ Іуда въ спрахѣ?
Зачѣмъ Король не межъ госпей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?

Верхомъ, въ глухи степей нагихъ,
Король и Гептманъ ичашся оба.
Бѣгушъ. Судьба связала ихъ.
ОпасносТЬ близкая и злоба
Дарующъ силу Королю,
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скакешь, Русскимъ гонимъ,
И слуги вѣрные шолпою
Чуть могущъ слѣдовашъ за нимъ.

Пушкинъ.